

**Пространство и время как жанрообразующие признаки повести А.И.
Куприна «Яма»**

Аминова М.

Магистрант второго курса кафедры русского литературоведения факультета
зарубежной филологии НУУз имени Мирзо Улугбека

Аннотация

В статье «Пространство и время как жанрообразующие свойства произведений А.И. Куприн "глубинная" информация цитируется

Ключевые слова: время, хронотопа, сюжет, текст.

Время и пространство являются важными моделирующими средствами литературы, которые задают параметры художественного мира произведения. Пространство образует фабульный план хронотопа, а время — сюжетный. Их взаимоотношения в тексте отражают миропонимание автора, систему его философских представлений. Поэтому попытки интерпретации хронотопа обуславливают поиск средств выражения авторской идеи.

Пространство в его художественном отражении более самостоятельная категория, нежели время. Оно может быть конкретным, абстрактным, историческим, мифологическим. «Пространство, которое обладает высокой степенью условности и которое в пределе можно воспринимать как пространство „всеобщее“, с координатами „везде“ или „нигде“» классифицируется как абстрактное. В связи с отсутствием ярко «выраженной характерности» абстрактное пространство «не оказывает никакого влияния на художественный мир произведения: не определяет характер и поведение человека, не связано с особенностями действия, не задаёт никакого эмоционального тона»¹]. Эти функции выполняет конкретное пространство, предопределяя структуру текста привязкой художественного мира к определённым топографическим реалиям. Для творческой манеры А. И. Куприна специфична конкретизация пространства, порой «документальное» воссоздание образов уездного города, усадьбы, дачи. К тому же автор ратовал за изображение того или иного жизненного факта сквозь призму восприятия его конкретным человеком («Десять заповедей писателя-реалиста»). Такая творческая установка создавала условия как для конкретизации, так и для субъективизма, а следовательно, и для

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 99

мифологизации пространства. При этом мифопоэтический метод остаётся одним из наиболее актуальных и до сегодняшнего дня не исчерпавших своих возможностей методов исследования художественного пространства.

В творчестве А. И. Куприна одним из выразительных пространственных комплексов выявляется «юг» как часть «своего» для писателя пространства, отчасти им мифологизированного. Это пространство у автора в основном локализовано Киевом, представлявшимся писателю южным городом, Одессой, югом Украины и Крымом. Характерным для купринского юга является амбивалентность этого пространства, что обнаруживается в единстве и взаимозаменяемости «верха» и «низа», «сакрального» и «профанного» хронотопов².

Киевский топос объёмлет действие повести «Яма» написанной в 1909–1915 годах. Художественный пространственный континуум произведения обладает рядом особенностей, соотносимых с индивидуально-субъективной купринской мифологией юга. Сохраняя в повести конкретные приметы Киева (так в тексте неоднократно упомянуты Днепр, Ямская улица, Лавра, бульвар, обсаженный каштанами), Куприн избегает прямой номинации города, предпочитая «безликие» указания типа «город», «южный город». При этом названия иных городов (Харькова, Петербурга) использованы многократно. Следовательно, такого рода табуирование названия «южной столицы» (при недвусмысленном указании на её конкретный прототип) свидетельствует о намерении автора придать этому месту действия несколько условный характер. И здесь оппозиция сакральное/профанное как маркёр категорий «истинное/ложное»³ реализуется в бинарности «нижнего» мира («ямы») и «верхнего» мира (киевских церквей и Лавры). Например, повествование о кровавых событиях «рокового» для мира «ямы» года, в результате положивших конец его существованию, автор дополняет картиной благополучного для развития города лете: город процветал, заработки горожан росли, а приток рабочей силы влѣк спрос на «товар» улиц Ямской слободы: «...вся эта шумная чужая шайка, одурманенная лёгкими деньгами, опьянённая чувственной красотой старинного, прелестного города, очарованная сладкой теплотой южных ночей, напоенных вкрадчивым ароматом белой акации, — эти сотни тысяч

² Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. С. 234

³ Дербенева Л. В. Пространственно-временные ориентиры в «армейских» рассказах А. И. Куприна 1890-х гг. // XI Пушкинские чтения. СПб. : ЛГУ, 2006. Т. 1. С. 119

ненасытных, разгульных зверей в образе мужчин всей своей массовой волей кричали: „Женщину!“⁴. Активизация «профанного» мира синхронизирована с оживлением мира религиозного, так как «город в это время справлял тысячелетнюю годовщину своей знаменитой лавры, наиболее чтимой и наиболее богатой среди известных монастырей России».⁵

Юг «благословенный» и юг «профанный», как видим, существуют в тесной взаимосвязи, что немаловажно для концепции данного произведения с неоднократно подчёркнутой в нём близостью праведного и грешного. Так, в повести сакральное и профанное пространства не всегда имеют чёткие границы: под ликом святости нередко скрывается её профанация, а под оболочкой греха таится чистая душа и высокое страдание. Примечательно описание в начале повести убранства публичного дома к Троицыну дню: «По давнему обычаю, горничные заведения ранним утром, .. купили на базаре целый воз осоки и разбросали её длинную, хрустящую под ногами, толстую траву повсюду: в коридорах, в кабинетах, в зале. Они же зажгли лампы перед всеми образами»⁶. Всё это делается, «пока барышни ещё спят», да и не годится, чтобы этим занимались «девицы ...своими осквернёнными на ночь руками», опорочив тем самым праздник. А в действиях дворника, украсившего «резной, в русском стиле, подъезд двумя срубленными берёзками ... с жидкой умирающей зеленью»⁷, миры сакрального и профанного сопрягаются на уровне символики: берёза как символ чистой женственности в пространстве «ямы» отдана на поругание и гибель.

Нагляднее всего сопредельность святости и греха раскрывают персонажи повести. Так, чрезвычайно набожен садист-вышибала Симеон, откладывая свой жалованье на дальнейшую жизнь в монастыре. Тамара до поступления в заведение Анны Марковны была монахиней, о чём вспоминает с теплотой; она же тверда в намерении хоронить Женьку- самоубийцу по христианскому обряду, однако певчие и церковный регент, как оказалось, завсегда дом терпимости, вносят в него элемент профанации. Есть место религиозному чувству и в жизни Женьки, женщины, волею судьбы, превращённой в смертоносную месть тем, кто покупает её «любовь». Во взаимоотношениях с кадетом Колей она на одно мгновение перед смертью преображается. Уберегая этого добросердечного

⁴Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6: Произведения 1913– 1915 гг. / Под общ. ред. Н. Н. Акоповой, Ф. И. Кулешова, К. А. Куприной, А. С. Мясникова. М. : Художественная литература, 1972. С. 103

⁵ Там же. С. 102

⁶ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6: Произведения 1913– 1915 гг. / Под общ. ред. Н. Н. Акоповой, Ф. И. Кулешова, К. А. Куприной, А. С. Мясникова. М. : Художественная литература, 1972. С. 9

⁷ Там же

юношу от срамной и гибельной болезни, она словно заново дарит ему жизнь, при этом испытывает к нему нечто материнское. В проникновенном разговоре внутренне изменяются оба: и Коля, ощущавший, «что в эту минуту в его душе совершается один из тех громадных переломов, которые властно сказываются на всей жизни»⁸, и Женька: «он, Коля, никогда в жизни не встречал нигде, даже на картинах, такого прекрасного выражения нежности, скорби и женственного молчаливого упрёка, какое сейчас он видел в глазах Женьки, наполненных слезами»⁹. Венцом этой сцены становится душевно-духовный акт благословения: «И полуголая Женька, эта Женька-безбожница, ругательница и скандалистка, вдруг поднялась с постели, стала перед кадетом и медленно, почти торжественно перекрестила его.

– Да хранит тебя господь, мой мальчик! — сказала она с выражением глубокой нежности и благодарности»¹⁰.

Особого внимания заслуживает и название повести, переносно-символический смысл которого непосредственно связан с характеристиками художественного пространства повести. Основная семантическая составляющая образа ямы — низовое пространство, что в мифологической картине мира олицетворяет, прежде всего, хтонический мир, в котором царит смерть. Наложение образов ямы и смерти чётко обнаруживает себя в конце повествования, когда одним словом «яма» обозначены и «увеселительное» место пребывания девушек, и могила Женьки: «...ей в её яме, — говорит Тамара на похоронах своей подруги, — гораздо лучше, чем нам в нашей...»¹¹. В яркой доминанте хтонического разрушительного, по своей сути, низа обозначен особый взгляд писателя на проституцию как явление, враждебное самой жизни. Неоднократно Куприн подчёркивает неспособность девушек легкого поведения дать новую жизнь: так символично автор указывает на убийственность (нередко в прямом смысле) их существования, словно по ту сторону естественного хода жизни. Поэтому в финале смерть забирает не только одну из главных героинь, но и грозит большинству героев повести: убивает себя студент Рамзес, гибнут Верка, Пашка, Манька Беленькая. В целом, существование Ямы завершается колоссальным побоищем, переросшим в общегородской еврейский погром.

⁸ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6: Произведения 1913–1915 гг. / Под общ. ред. Н. Н. Акоповой, Ф. И. Кулешова, К. А. Куприной, А. С. Мясникова. М.: Художественная литература, 1972. С. 251

⁹ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6: Произведения 1913–1915 гг. / Под общ. ред. Н. Н. Акоповой, Ф. И. Кулешова, К. А. Куприной, А. С. Мясникова. М.: Художественная литература, 1972. С. 248

¹⁰ Там же. С. 250

¹¹ Там же. С. 303

Анализ художественного пространства повести А. И. Куприна «Яма» свидетельствует о процессах авторской мифологизации. Он является не только одной из базовых характеристик его писательской индивидуальности, но и тем качеством, которое связывает художественную систему писателя с контекстом новейших тенденций в искусстве его времени.

